

ВЛЕЧЕНИЕ К СМЕРТИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье анализируются основные идеи глубинной психологии, касающиеся танатоса (мортидо) – влечения к смерти. Дан исторический анализ исследования влечения к смерти в донаучный период развития психологии, в эпоху Нового и Новейшего времени. Проанализированы прикладные аспекты работы с танатосом (мортидо) в коррекционной и терапевтической практике.

Ключевые слова: влечение к смерти, танатос, мортидо, либидо, коллективное бессознательное, архетип, нуминозность.

Постановка проблемы. Донаучный период развития психологии охватывает познание влечения к смерти ещё с доисторических времен – вероятно, уже со времён палеолита, когда фиксируются первые археологические находки, свидетельствующие о ритуалах погребения и культе умерших [2]. С того периода и до первой четверти XX в. влечение к смерти как интерес человека к потустороннему миру в посмертном существовании своей личности было предметом религии и эзотерики. Особое место здесь занимала некромантия – одно из наиболее загадочных и одиозных проявлений эзотерического знания, находившееся преимущественно под запретом на протяжении всего исторического периода развития человечества как со стороны монотеистических, так и политеистических религий, однако сохранившая свой status quo до наших дней [13]. Институционализация в XVIII в. научного естествознания, а в XIX в. – и знания гуманитарного, в частности психологического, осуществлялись в основном на антиклерикальных позициях, что дезактуализировало сам предмет влечения к смерти в человеческой психике, в лучшем случае делая его предметом патопсихологии.

Анализ исследований и публикаций. Первая четверть XX в. ознаменовалась бурным развитием глубинной психологии, что сопровождалось ещё более бурной дивергенцией её школ [16]. Наиболее динамичным и, как показала Новейшая история, плодотворным для развития глубинной психологии стал конфликт между З. Фрейдом и его школой психоанализа и К.Г. Юнгом и его школой аналитической психологии. Среди многих измерений этого конфликта как методологических, так и личностных, особое место занимают разногласия между мэтрами глубинной психологии по поводу природы религиозности человека. З. Фрейд продолжил антиклерикальную традицию науки XIX в., трактуя религию как невроз [11]. К.Г. Юнг

уже в первой основополагающей книге аналитической психологии рассматривает религиозность как имманентное качество человеческой психики [18]. Выделение либидо и мортидо как двух базовых влечений бессознательного, по признанию обоих основоположников глубинной психологии, произошло под влиянием С. Шпильрейна. Хорошо известная ныне история, в которой оказались переплетены и личные, и исследовательские мотивы всех троих её участников, сподвигнула и З. Фрейда, и К.Г. Юнга, и саму С. Шпильрейна обратить пристальное внимание на то, что в тот период было названо «влечением к саморазрушению» [15], затем «танатосом» [10]. Характерно, что до сих пор – а психоанализ существует уже более 100 лет – идея влечения к смерти является одной из самых спорных и далеко не все последователи З. Фрейда её разделяют. Например, в трехсотстраничном словаре психоаналитических терминов и понятий этой теме уделено всего семь строк [5]. Но даже такой малости достаточно, чтобы понять, что смертельное влечение интерпретируется там преимущественно в деструктивном контексте – как стремление к разрушению окружающего мира (апполодеструкция) или самого себя (аутодеструкция).

Иную точку зрения мы находим у К.Г. Юнга. Интерес к потустороннему миру, инобытию, *mysterium coniunctionis*, является, по его мнению, стержневой составляющей индивидуации (т. е. реализации фундаментальной личностной уникальности – А. С.). При этом наиболее глубоким и архаическим уровням коллективного бессознательного присуща нуминозность – сверхъестественность, надреальность, выход за пределы вещественного бытия: «Предполагая, что жизнь продолжается «там», мы не можем представить себе иной формы бытия, помимо психической: ведь жизнь психической субстанции не нуждается ни в пространстве, ни во времени. Психическое

бытие – и в первую очередь занимающие нас здесь внутренние образы – предоставляет материал для всех мифических спекуляций о жизни в потустороннем мире, и в моем восприятии «та» жизнь – это продолжение мира образов. Следовательно, психическая субстанция может быть тем самым бытием, в котором помещен потусторонний мир или «страна мертвых». С этой точки зрения, бессознательное и «страна мертвых» – синонимы» [17].

Интересно, что отчасти синхронистичную юнговскую точку зрения на конструктивность влечения к смерти в онтогенезе мы встречаем в прямо противоположном лагере – даже не в позитивистской психологии и даже не в психологии, а в физиологии. Речь идёт о концепции ортобизоза И. Мечникова, в рамках которой он выдвинул идею о том, что по мере старения в человеке начинает проявляться «инстинкт смерти», конструктивность которого, однако, зависит от степени насыщения жизнью. И если процесс насыщения жизнью проходит гармонично, то к финалу продолжительной, нормальной жизни у человека должно наступить прекращение желания жить и естественная потребность в смерти [3].

Однако еще более близкую к юнговской точку зрения на природу влечения к смерти в контексте его потенциальной конструктивности и даже более того – концепцию, которая продолжила начатый К.Г. Юнгом перевод этой темы из клиническо-консультативной практики в философско-экзистенциальный дискурс, стали взгляды Ж. Бодрийяра. По мнению французского философа, западноевропейская культура на протяжении нескольких столетий отрицала либо редуцировала смерть и фрейдовская идея танатоса является продолжением этой тенденции, которая дискредитировала себя к настоящему времени. Ж. Бодрийяр рассматривает смерть как миф, архетипический смысл, требующий своей интерпретации в современной культуре [1].

Цель статьи. Именно в направлении поиска и раскрытия архетипического смысла влечения к смерти как базовой составляющей процесса индивидуации личности мы рассматриваем феномен танатоса в методологической и прикладной работе Ассоциации глубинной психологии «Теурунг».

Изложение основного материала. Продолжение идей К.Г. Юнга и обогащение их новыми работками дискурса влечения к смерти, как философскими, так и психологическими, раскрывают экзистенциально-феноменологическую наполненность этого влечения. Используемая нами теоретико-прикладная модель отчасти сходна с моделью, выдвинутой К. Шмидт-Хеллерау [14]. Мы также дифференцируем влечение к смерти на конструктивный и деструктивный полюс, выде-

ля в качестве катексиса конструктивного полюса интровертированность как обращение фокуса сознания к нуминозности, трансцендентности, инобытийности наиболее глубинных уровней бессознательного – то, что у К. Шмидт-Хеллерау обозначается термином «лето». Для обозначения этого полюса влечения к смерти мы используем термин «мортидо». Деструктивный полюс рассматривается нами как катексис ауто- и апполодеструкции, анапсиза, деградации личности в самом широком и фундаментальном смысле слова, тождественном античному философскому понятию анойи [12] как распаду души. Для обозначения этого полюса влечения к смерти мы используем термин «деструдо».

В статье мы приводим краткое изложение одного показательного терапевтического случая, в котором клиентка на групповой и индивидуальной работе преодолевала травму созависимых отношений с мужчиной и развившейся на этой почве субдепрессии и танатофобии. Обладая ярким артистическим воображением, клиентка глубоко погружалась в пугающие смертные фантазии, что действовало на неё особенно угнетающе. Пытаясь вытеснить влияние деструдо, она загружала себя работой, домашними обязанностями, пыталась возбудить себя яркими сексуальными приключениями, однако это давало лишь временный эффект. И важнейшей составляющей нашей с ней работы стала коррекция её отношений с влечением к смерти через трансформацию деструктивного его полюса (деструдо) в конструктивный (мортидо). Использовались основные приёмы метода глубинных трансформаций [7]: внутреннего диалога [9], феноменологической редукции [6], мифодрамы [8], сократического диалога, активного воображения, скриботерапии. Случай особенно интересен тем, что на протяжении психотерапевтического процесса, длившегося около трёх с половиной лет, клиентке периодически снились характерные сновидения, которые словно обозначали и подтверждали ключевые этапы терапии. в приведённых рассказах сохранена оригинальная орфография, стилистика и пунктуация.

Первый сон. Вторая половина первого года терапии. Преодоление страха и бессилия перед мужской агрессией и провокативной виктимности, повышение самооценки. На уровне архетипической динамики деструктивный полюс анимуса атакует аниму, анима защищается.

«Мне снится, что я – девочка подросток, тощее тело, длинные тощие косички, резкие черты лица (это героиня одного из сериалов), одета в длинную сорочку, больше напоминающую рубище. Я нахожусь в одной из комнат отеля. Он стоит посреди леса и похож на пагоду. в комнату захо-

дит взрослая черноволосая стриженная девушка, моя сестра. она жесткая, резкая и злая. И говорит что продала меня одному господину и теперь он мой хозяин. Я чувствую себя преданной, мне очень больно и обидно <...> в комнату входят двое молодых мужчин во фраках.

Первый – блондин, усы, борода, длинные, зачесанные назад волосы. Это и есть господин, но он пассивный и я его не боюсь. Второй – его компаньон-телохранитель. Это брюнет, те же борода, усы, но черты лица восточные. Он вызывает во мне ужас. Я знаю, что должна отдаться блондину и это меня ужасает-убивает (в реальности я отнеслась бы к этому сдержанней). Пытаюсь спрятаться под кровать от ловающего меня брюнета, выскакиваю из здания с призывом о помощи, но вокруг – никого. Я с воплями несусь по веранде, опоясывающей отель по периметру. Но черный настигает меня. Веранда оказывается помостом, где и должно все произойти. Я в ужасе!!! Но смиряюсь и делаю это прямо в кресле, на котором ко всему этому еще и белая подушечка (((. Но как только я привела себя в порядок, я перестала бояться Брюнета. Мне плевать на него. Я стала такой значимой, как Блондин. И ему уже не надо насиловать меня. На помосте мы троим <...>».

Второй сон. Завершение второго года терапии. Сепарация от подавляющего влияния матери, преодоление навязанного чувства вины и антилибидиозных посланий. На уровне архетипической динамики анима противостоит деструктивному полюсу архетипа Великой Ужасной Матери [4].

«Много красивых людей: красивые женщины, благообразные старцы, веселые дети. Среди них – пожилая женщина, крикливая, суетливая, озлобленная, но всеми уважаемая <...> Я сижу одна на трамвайной остановке. Вдруг вижу, как слева от меня трое взрослых убивают молоденькую девушку-подростка. Это та пожилая, молодая женщина и молодой мужчина. Я вижу, как девочку пронзают ножом, но не пойму кто – они навалились на нее. Вскрываю, и с ужасом, что меня заметят и бросятся догонять, бегу к людям, зову на помощь, но девочка уже умерла <...> Дальше я в стоящем на трамвайных рельсах автобусе, он никуда не собирается ехать. Толпа в середине ругает пожилую, но вяло и пассивно. в какой-то момент я оказываюсь снаружи, у дверей, и вижу, как прямо на меня из дверей протискивается пожилая. Она – убийца! Она хочет убежать! Я бросаюсь на нее, но она огромная, мне не остановить. Мы сцепляемся в клубок, е сли я ошибусь – она меня убьет. Приходит мысль, что единственное уязвимое место – глаз. Я пальцем выдавливаю правый глаз, ощущая яблоко, кровь, глазницу. Она становится размером с куклу. Я заворачиваю ее в оберточную бумагу и поджи-

гаю <...>. Дальше я в доме покойной девочки с другими девушками. Заходят старики и с ними милиционеры. Тихо уводят старшую, очень красивую (она – сестра убитой). Ее фотография остается висеть на стене <...> Я одна в комнате. Она огромная – желтые пол, потолок, стены, мебель далеко над ними. Под потолком – маленькое окошко, к нему приникли девушки, они прислушиваются. На полу – огромный коричневый ковер. Частично на нем и частично на полу – куча песка. Я лежу на ней, мне спокойно и хорошо. И даже если комната не заперта, я не собираюсь из нее выходить <...>»

Третий сон. Начало четвертого года терапии. Начало доверительных любовных отношений с мужчиной. На уровне архетипической динамики архетипы мортидо инициируют глубинные трансформации личности и формирование новой эго-идентичности в отношениях с мужчиной.

Я ночью в совершенно черном готическом замке. Хозяин – мужчина в черном, лица которого я не вижу, застал меня в одном из залов. Но не рассердился, а стал водить по неосвещенному замку. в очередном зале я прошу зажечь свет, чтобы все рассмотреть. Он что-то нажимает и стены оказываются подсвечены матовым светом, на них – огромные темные средневековые семейные портреты!!! Замок черен и огромен, и от этого захватывает дух! Вдруг слышим шум снаружи. Выбегаем. Четверо мальчишек лет десяти издеваются над бледным мальчиком в черном. Мы с хозяином берем гаде-нышей, кого за руку, кого за ухо, и уводим от замка через кованые ворота, через ночной лес, на опушку. Там светло. Мы молча отпускаем их. Они убегают. Возвращаемся той же дорогой, за воротами стоят несколько черных старинных машин. Это приехали гости. у одной из машин стоит молчаливый слуга с тупым белым лицом и в черной одежде. Я одна иду к замку (хозяин уже там). Замечаю, что я в черном длинном платье 19 в., а в руке у меня черный газовый платок с коробком спичек в середине. Вдруг они вспыхивают! Я пытаюсь погасить, ударяя платком по большому камню. Не выходит!! Я бросаю платок на землю и топчу ногами. Погасила! Но вижу, что он порван и прожжен. Горько плачу! Жаль платка! <...> Дальше увидела себя в черном платье с белыми манжетами и воротничком. Черные шелковые туфли и белые чулки. Строгая гладкая прическа из длинных волос. бреду по скалистому берегу, в руках веревка с волочащимся по земле свертком на конце. Ко мне подходят трое пожилых людей в восточных длинных одеждах. Стоят так тесно друг к другу что кажутся одним человеком. «Отдай нам сверток, мы будем лечить его!» «Нет, я сама помогу ему! Вы не заберете эту душу у меня!» «Хорошо, не заберем, давай мы поможем тебе!» Я сажусь

на землю и разворачиваю сверток, положив между ног и прикрыв подолом платья. Это серые камушки в черном платке. «Что я должна делать? Нужна моя кровь?» Разрезаю над камушками запястье. «Не так!» И один из них отрезает мне фалангу указательного пальца и кладет в платок. Когда я снова разворачиваю сверток – камушки стали белоснежными и гладкими. А в центре на них стоял серый камень с ладонь величиной, похожий на сапожок. И я опять иду по скалистой дорожке, держа сверток на руках, как младенца. Меня теперь зовут Хельганика. Прямо среди скал стоят двустворчатые узкие, но очень высокие ворота (без стен или забора). Достая сапожок и дважды по три раза бью в железные ворота. Одна из створок чуть приоткрывается. Там мрак. Протискиваюсь. А там светло и такие же скалы. в сапожке оказывается отверстие-головище. Я насыпаю в него белые камушки из платка и кусочки сухого скального бурьяна. Каменный сапог становится высотой с вытянутую руку и очень тяжел! Я не могу его поднять и идти дальше. Остаюсь сидеть одна у ворот <...> Конец <...>».

Выводы. Работа с танатосом как влечением к смерти в прикладной деятельности дает серьезные возможности в работе с проблематикой дисгармонии личностного развития, смысло-жизненных ориентаций, экзистенциального выбора, травм острого горя, диссоциативных посттравматических расстройств. Дифференциация конструктивного (мортидо) и деструктивного (деструдо) влечения к смерти позволяет более эффективно осуществлять совладание с травмой, преодолевать посттравматические диссоциативные процессы личности, осуществлять трансформацию и интеграцию отщепленных травматических комплексов. На уровне экзистенциального дискурса исследование феномена танатоса даёт новые направления экзистенциального поиска и индивидуации личности.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 268 с.
2. Дробышевский С. Культура палеоантропов / С. Дробышевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://antropogenez.ru/zveno-single/64/>.
3. Мечников И. Этюды оптимизма / И. Мечников. – М., 1964. – 133 с.
4. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойманн. – М. : Рефл-бук, 1998. – 464 с.
5. Психологические термины и понятия : [словарь] / под ред. Борнесса Э. Мура и Бернарда Д. Фаина ; перев, с англ. А. Боковикова, И. Гриншпуна, А. Фильца. – М. : Независимая фирма «Класс», 2000. – 304 с.
6. Сагайдак А. Использование метода феноменологической редукции в глубинной психотерапии / А. Сагайдак. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fund-issled-molodoy.csrae.ru/ru/1/publications>.
7. Сагайдак А. Архетип Внутреннего Оракула и Понтифекс-Я как ресурсы психологии глубинных трансформаций / А. Сагайдак // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2015. – Т. 20. – Вип. 2 (36). – С. 128–135.
8. Сагайдак А. Коррекция архетипических жизненных сценариев «преследователь – жертва» в аналитическом процессе / А. Сагайдак // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2013. – Т. 18, Вип. 22(3). – С. 104–109.
9. Сагайдак А. Метод внутреннего диалога как феноменологическая редукция архетипической динамики / А. Сагайдак // Київський науково-педагогічний вісник. – 2016. – Вип. № 8 (08). – 2016. – С. 89–95.
10. Фрейд З. Психология бессознательного : сб. произведений / З. Фрейд ; сост., научн. Ред., авт. вступ. ст. М. Ярошевский. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.
11. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – СПб., 1997. – 222 с.
12. Что такое Аноиа? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://znachenieslova.ru/slovar/philosoph/anoia>.
13. Что такое некромантия? – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=67b9bdc4-af12-45d3-bc38-52bbc5570bd2>.
14. Шмидт-Холлерау К. Влечение к жизни и влечение к смерти. Либи́до и Лета / К. Шмидт-Холлерау. – СПб., 2002. – 298 с.
15. Шпильерейн С. Деструкция как причина становления / С. Шпильерейн // Антология российского психоанализа : в 2-х т. – Т. 1. – М. : МПСИ ; Флинта, 1999. – 848 с.
16. Энциклопедия глубинной психологии : в 4-х т. – М. : Когито-Центр ; МГМ, 2004.
17. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К.Г. Юнг ; записано и отредактировано Аниэлой Яффе ; пер с нем. – К. : Airland, 1994. – 416 с.
18. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы / К.Г. Юнг ; пер. с нем. – СПб., 1994. – 416 с.

Сагайдак О. М. Потяг до смерті як екзистенціальний дискурс глибинної психології

У статті аналізуються основні ідеї глибинної психології, що стосуються танатоса (мортидо) – потягу до смерті. Дан історичний аналіз дослідження потягу до смерті в донауковий період розвитку психології, в епоху Нового і Новітнього часу. Проаналізовано прикладні аспекти роботи з танатосом (мортидо) в корекційній і терапевтичній практиці.

***Ключові слова:** потяг до смерті, танатос,-mortido, лібідо, колективне несвідоме, архетип, нуминозного.*

Sagaydak O. M. The attraction to death as the existincial discourse of the deeper psychology

The article analyzes the basic ideas of deep psychology concerning thanatos (mortido) – an attraction to death. There is a historical analysis of the study of the desire for death in the pre-scientific period of the development of psychology, in the era of the New and Newest Times. The applied aspects of work with thanatos (mortido) in correctional and therapeutic practice are analyzed.

***Key words:** attraction to death, thanatos, mortido, libido, collective unconscious, archetype, numinousness.*